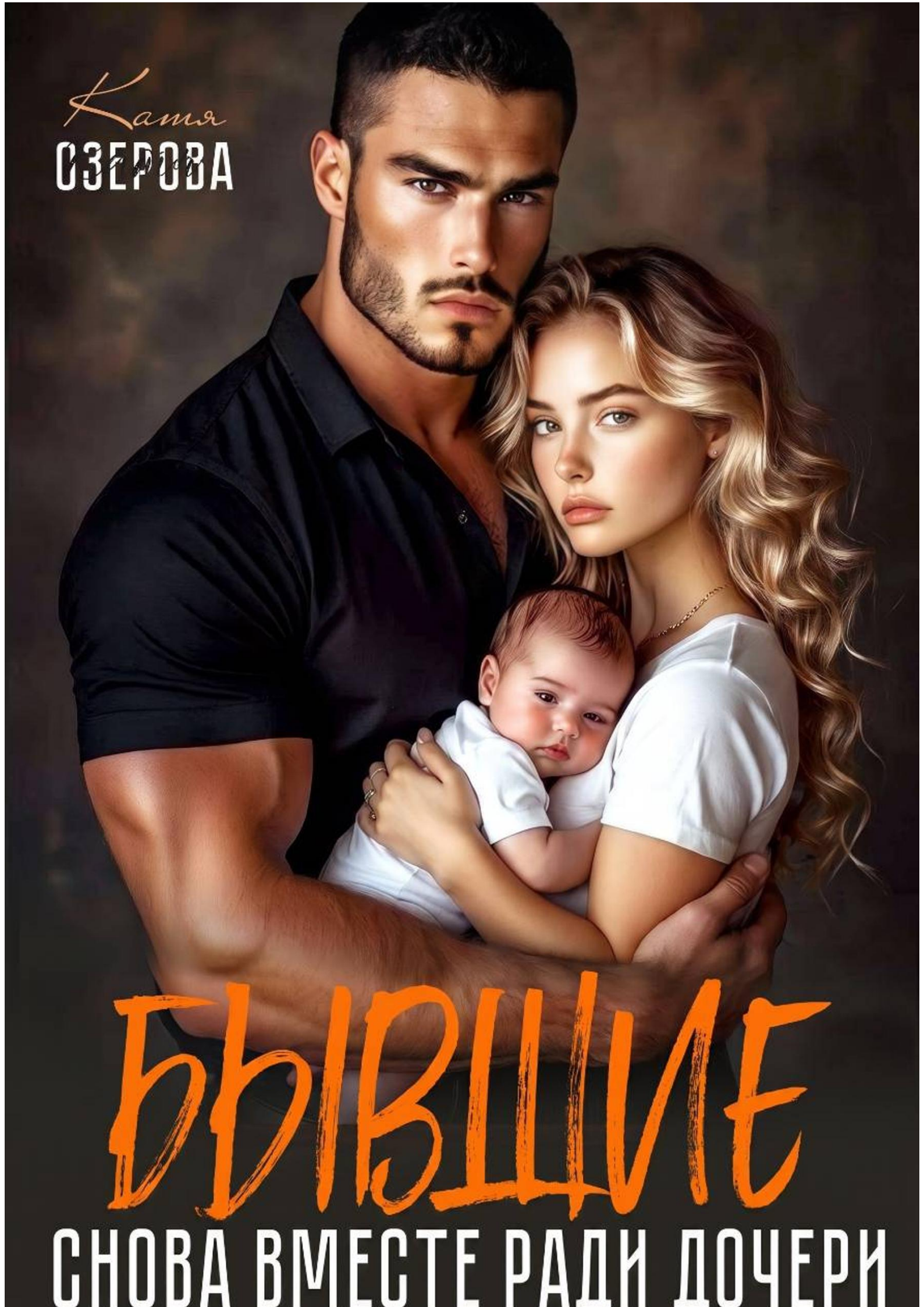

Катя
ОЗЕРОВА

БЫВШИЕ

СНОВА ВМЕСТЕ РАДИ ДОЧЕРИ

Катя Озерова

**Бывшие. Снова
вместе ради дочери**

«Автор»

2026

Озерова К.

Бывшие. Снова вместе ради дочери / К. Озерова — «Автор»,
2026

— Какой домик в лесу? — он раздраженно провёл ладонями по лицу. — Оля, посмотри на ситуацию реально! Мы недавно переехали, я налаживаю бизнес! Я живу и ночую на работе! У меня нет времени отдыхать! — Я просто хотела немного побыть с тобой — прикусила я губу и заморгала, чтобы предательские слёзы не начали литься из глаз. Беременные гормоны сделали меня очень чувствительной, — я тебя почти не вижу — Начинается — он развернулся и вышел из кухни. Хлопнул дверью гостевой спальни. Я правда верила, что муж постоянно занят, пока на пороге нашего дома не появилась ОНА. — Адам несчастен с вами, — резко выпалила женщина, — он с вами только ради ребёнка! Я ушла, а через год муж потребовал к нему вернуться. Дать ему шанс хотя бы ради нашей дочери. — Я никогда тебя не предавал, — сказал он твердо, глядя мне в глаза.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	12
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Катя Озерова

Бывшие. Снова вместе ради дочери

Пролог

Мой муж меня не любит...

Горько, но эта мысль для меня не нова - она всегда жила внутри, потихоньку точила и разрушала. Адам — мое проклятие. Единственный мужчина, которого я когда-либо любила.

Пальцы механически водят по вороту его белой рубашки с алым пятном на воротнике. Помада.

В первую секунду я остолбенела, во вторую — всхлипнула, в третью — приложила ладони к животу, в котором находилась наша с Адамом доченька.

Вчера Адам вернулся поздно. Слишком поздно, чтобы это было приличным.

— Пришлось задержаться в офисе, слишком много работы, — он отмахнулся от меня. Прошёл мимо, удостоив лишь рассеянного взгляда, принял душ, переделся и промаршировал на кухню.

В такие моменты я всегда чувствовала себя лишней рядом с ним, ущербной. Муж, который не любит свою жену. Муж, который женился на ней лишь потому, что та «залетела». Муж, который тяготеет мной. Мой взгляд скользнул по своему отражению в зеркале. Я давно превратилась в тень себя прежней, и мне даже не верилось, что когда-то я смеялась и могла быть беззаботной.

— Скоро Новый год, — присела я за стол. — А у нас даже ёлки нет.

— Мне некогда этим заниматься, — Адам бросил салфетку в пустую тарелку и устало отклонился на стуле. Его ладонь скользнула по влажным волосам, встряхнула их, и я глупо залюбовалась.

Адам поймал мой взгляд, но лишь равнодушно отвёл глаза. С тех пор, как я забеременела, он меня не касался. Всё, что у нас было, — это короткий роман, яркий, наполненный моей любовью к нему. Я ослепла и не заметила, что он на самом деле хотел лишь временно воспользоваться мной, чтобы развлечься. Он бы бросил меня, если бы не случайный «залёт».

Помню, как он зло обронил: «Специально, да?»

— Я спать, — Адам поднялся на ноги и направился на выход из кухни.

— Может, съездим куда-нибудь на выходные? Вместе? — предприняла я ещё одну слабую попытку, — домик на праздники снимем... в лесу. Там снег... красиво, — мой голос заглох.

— Какой домик в лесу? — Он раздраженно провёл ладонями по лицу. — Оля, посмотри на ситуацию реально! Мы недавно переехали, я налаживаю бизнес! Я живу и ночую на работе! У меня нет времени отдыхать! — Голос мужа был настолько отстранённым, что я вся сжалась, обняла свой живот с дочкой внутри.

— Я просто хотела немного побыть с тобой... — прикусила я губу и заморгала, чтобы предательские слёзы не начали литься из глаз. Беременные гормоны сделали меня очень чувствительной, — я тебя почти не вижу.

— О, Господи, начинается... — Он развернулся и вышел из кухни. Хлопнул дверью гостевой спальни.

Слёзы обиды и разочарования брызнули и покатались по щекам — я поняла, что дальше так продолжаться не может.

Ночью практически не спала, прислушиваясь к тишине нашего дома. Он был огромным и красивым, но таким неживым. Я чувствовала себя чужой и в нем и в Москве.

После известия о беременности мы быстро расписались, без праздника и гостей, и оказались здесь. Я очень надеялась, что в новом городе, в новом доме мы сможем всё начать сначала.

Утром проснулась с чугунной тяжестью в голове. Адама уже не было дома. Убрала на кухне, поменяла постельное бельё, затеяла стирку. В тот момент, когда выудила из корзины с бельём рубашку Адама, моя жизнь снова разделилась на «до» и «после».

Я поднесла ее к лицу и прикрыла глаза. В нос ударил едва различимый, слабый аромат женских духов. Получается, Адам врёт. На работе его держат отнюдь не проблемы, а женщина.

Кажется, я даже знаю, кто — молодая, хваткая юристка, которую я несколько раз видела в его офисе. Каждый раз она позволяла себе больше дозволенного — в шутках, во взглядах, в мимолётных прикосновениях. Её духи я хорошо запомнила, потому что в первые месяцы токсикоза меня от них мутило.

Решение уйти пришло сразу — с меня хватит унижений!

Он меня никогда не любил, не любит и не полюбит. Это понимание осело у меня в груди и ледяным холодом распространилось внутри, заморозило меня.

Всё.

Хватит.

Этот брак не нужен ни Адаму, ни мне - я больше не собираюсь унижаться.

Бросаю рубашку Адама на пол, иду в спальню, хватаю чемодан и забрасываю в него вещи, которые попадают мне под руку.

На кухне оставляю для Адама записку.

«Я знаю, что ты мне изменяешь. На развод подам сама»

Адам настаивал на том, что ребёнок должен жить в полной семье. Но я уверена, что ребёнок должен жить в семье счастливой. А если отец гуляет, а мать погрязла в своих страданиях и сходит с ума, никакой пользы для ребёнка не будет. Я позабочусь о своей малышке сама. Не я первая, не я последняя, кто примерит на себя роль матери-одиночки. А Адам, пусть и дальше развлекается.

В последний раз окидываю взглядом дом Адама — холодный и пустой, в нём я так и не смогла испытать счастье. Подтаскиваю чемодан к двери и вздрагиваю, когда слышу звонок. Рывком открываю дверь и застываю на пороге.

—Здравствуйте, — напряжённо улыбается Марина — хозяйка помады на рубашке моего мужа. Её взгляд падает на чемодан рядом со мной и бровь удивлённо поднимается. — Вы уезжаете?

На губах зажигается радостная улыбка, которую у Марины не получается спрятать.

—Да, — поправляю на себе пальто и захлопываю дверь. Пускать Марину в дом я не собираюсь. Пусть это делает Адам.

—Я бы хотела с вами поговорить, — она отступает в сторону, давая мне пройти.

—А я не хочу с вами разговаривать.

Осторожно спускаю по ступеням крыльца чемодан. Марина поджимает губы, но не уходит. Продолжает брезгливо рассматривать меня растрепанную с большим животом.

Ну, конечно, в отличие от меня у неё идеальная фигура.

В расстёгнутом пальто проглядывает короткое платье алого цвета. Чтобы заявиться сюда Марина не поленилась и сделала профессиональную укладку и макияж. Думала меня задеть разницей между нами.

Что ж... задела. Мне с поплывшей фигурой с ней не тягаться.

Марина шикарная хищница от кончиков пальцев до кончиков ногтей. Наверное, где-то я даже могу Адама понять. Меня можно назвать милой, но на конкурс «королева красоты» я никогда не претендовала, да и одевалась просто - джинсы, футболки, кеды. А с беременностью и вовсе стала похожа на бочку.

—Адам несчастен с вами, — резко выпаливает она.

— Да что вы говорите? — горько усмехаясь. А то я и так не знаю, Адам каждый день всем своим видом мне это показывал.

— Он с вами только ради ребёнка!

— Я в курсе, — спустив чемодан, перевожу дыхание. От тёплой ткани пальто я вся взмокла.

— Вот как, — усмехается она. — Я так и знала — забеременела и рассчитывала, что он теперь твой. А вот и нет! Адам ушёл от меня потому, что хотел поступить как настоящий мужчина и жить с тобой ради ребёнка. Но он не обязан из-за одной ошибки жертвовать своей жизнью! — Марина разводит руками.

— Что ж, я освобождаю его от этой ошибки, — хватаю чемодан за ручку и везу за собой. Пластиковые колёсики с трудом пробираются сквозь раскисший серый снег.

Главное теперь не расплакаться! Я уж точно не доставлю ей такого удовольствия!

— Вот как, — выдыхает она с облегчением. — Ну и правильно. Будет лучше, если ты уйдёшь сама, достойнее. — Марина идёт рядом, её духи снова вызывают у меня рвотный позыв.

— Я не собираюсь с вами обсуждать, что мне делать! И уж тем более не стану говорить о достоинстве. У женщины, которая встречается с женатым — его нет и быть не может! — пытаюсь не дышать отравленным сладко-приторным воздухом вокруг, — отойдите, меня тошнит!

— А меня от тебя тошнит! — Марина кривится и специально подходит ближе, — Адам разведется с тобой и женится на мне! Я ему рожу желанного ребенка, а не случайного нагуляша!

Меня всю словно кипятком ошпаривает! Как она мою доченьку назвала? Как посмела рот свой грязный открыть? Отталкиваю Марину от себя, и от неожиданности та падает в грязную талую лужу рядом, вскрикивает, оказываясь полностью в серой жиже.

— Ты что, с ума сошла, дура конченная! — вскрикивает она, пытаясь подняться, но каблук скользит по ледяной корке, и Марина снова падает.

Не обращая больше на нее внимания, хватаюсь за свой чемодан и ухожу прочь. Игнорирую её проклятия мне в спину. Если Адам считает, что ему нужна рядом подобная женщина, что ж, это его выбор.

В груди жжёт, в животе бунтует дочка. Знаю, мне нельзя нервничать. Не хватало только, чтобы она появилась на свет раньше необходимого. Приказываю себе дышать ровно и не рыдать. Хватит. Пока я ждала Адама днями и ночами, я уже вылила все слёзы. Сейчас нужно подумать о будущем.

За воротами посёлка перехватываю такси, которое привезло наших соседей с ребёнком. Отец заботливо помогает жене выйти из машины, отстегивает дочку из автокресла и берет на руки. Она его обнимает за шею и целует.

— Люблю тебя, папочка...

Вот так и мы могли бы выглядеть с Адамом, но он не захотел.

— Вы не против, если я заберу ваше такси?

— Берите конечно, — мужчина хмуро поджимает губы, замечая мой большой живот и тяжелый чемодан рядом, — давайте я вам помогу. Беременная женщина не должна тягать тяжесть.

— Он на колесиках, — тушуюсь я.

Мужчина только качает головой. Ставит малышку на ножки рядом с женой и ловко закидывает мой чемодан в багажник.

— Спасибо, — смущенно благодарю и забираюсь в машину.

Пока еду до железнодорожного вокзала, смотрю в окно на проплывающий мимо город. Новый год совсем скоро - витрины магазинов украшены ёлочными игрушками и дождевиком, тут и там стоят пушистые ёлки, мигают гирлянды. У горожан, в отличие от всего остального

года, в этот период чуть более приподнятое настроение. Я вижу улыбки, как люди ходят с подарочными пакетами и коробками.

Мы все в ожидании чего-то светлого, что может изменить нашу жизнь. Мои ладони на животе, и я медленно его поглаживаю. Да, я полностью разрушена, но, может быть, и меня в Новом году ждёт что-то хорошее.

На вокзале покупаю билет в родной город, представляю, как увижу родителей, как обниму их. Конечно же, они наперёд знали, что ничего у меня с Адамом не получится, предупреждали. Мне будет безумно неловко рассказывать о том, что их пророчества сбылись.

Пока тащу чемодан к вагону, встречаю нашего соседа из посёлка. Он только что проводил жену, которая едет к детям присмотреть за внуками на праздники, а сам возвращается в Барвихино.

— Ты куда это, Оленька? — удивлённо разглядывает он меня с чемоданом.

— Домой, — слабо улыбаюсь ему.

— А что это Адам тебя не провожает? Совсем что ли спятил? Одну, беременную, отправил? Вот я ему за это задам! Сейчас же наберу его и отчитаю!

— Не надо, — прикусываю губу и оглядываюсь на свой вагон. — Мне пора.

— Ну, Адам... Вот гад, — качает сосед головой неодобрительно, но меня отпускает.

В купе усаживаюсь у окошка и наблюдаю, как провожают любимых и близких: объятия, слёзы, поцелуи, смех. А у меня — пустота.

Не знаю, как это будет... Возможно, Марина вернётся к Адаму и торжественно объявит, что я наконец-то уехала и освободила их. Или, может быть, Адам придёт домой и увидит мою записку.

Телефон на столике передо мной начинает вибрировать.

«Муж».

Сбрасываю звонок и переворачиваю экраном вниз. Пока я не готова с ним разговаривать. Звонок заканчивается, а за ним раздаётся ещё один, ещё один. Я каждый раз нажимаю «отбой».

Поезд трогается через пятнадцать минут. Всё кругом начинают суетиться, ускоряются. Провожажущие машут уезжающим, уезжающие высовываются из окон и также машут.

Поезд медленно начинает набирать скорость и неожиданно в пестрой появляется знакомая мужская фигура — муж.

Что он тут делает?

Чёрное пальто расстёгнуто на груди, он бежит за поездом, с зажатым в руке телефоном. Сквозь шум колёс и гомон пассажиров я кажется слышу своё имя.

Адам добегают до моего вагона, и наши взгляды встречаются. Однако скорость поезда не оставляет ему шанса запрыгнуть на подножку.

— Оля! — Читаю по губам.

Адам безумно зол, глаза огромные, расширенные, горячее дыхание вырывается изо рта и клубится вокруг его лица. Он замер на краю перрона и с каждой секундой его фигура становится всё меньше и меньше.

Телефон на столе снова оживает. После нескольких прерванных звонков я всё же поднимаю трубку. Прятаться смысла нет.

— Да что ты творишь?! — хрипит прерывисто он в трубку.

— Я с тобой развожусь, — отвечаю чётко.

— Оля, ты с ума сошла! Немедленно возвращайся! — Голос настойчивый, авторитарный, но я больше не собираюсь ему поддаваться. — Что на тебя нашло? Из-за этих чёртовых выходных? Я же тебе объяснил!

— Не надо, Адам, — печально смотрю в окно на быстро меняющийся пейзаж. — Я всё знаю.

— Что ты знаешь? — восклицает он с явным непониманием.

—О твоей измене. Твоя любовница приходила ко мне сегодня. Так что хватит.

—У меня нет любовницы! Не носи чушь! Оля, немедленно выходи на следующей станции, я сяду в машину и приеду!

—Нет, — отрезаю я. — Я подаю на развод. Если ты захочешь видиться с дочерью, я не буду препятствовать. Если нет — не буду настаивать. Но твоей женой я не буду больше никогда.

Отключаю телефон и быстро смахиваю скатившуюся по щеке слезу. Стараюсь не обращать внимания на сочувственные взгляды двух пожилых женщин, сидящих напротив меня. Что ж, жизнь у меня вот такая ужасная. Надеюсь, Адам оставит меня в покое и не будет унижать ни меня, ни себя своим враньём.

На телефон приходит сообщение: «Жди меня на следующей станции. Выезжаю»

Прикрываю глаза ладонью. Кажется, я надеялась зря.

Глава 1

Прошел год.

Точнее, прошел он для всех, кроме меня. Для меня же он просто... исчез. Стерся, как будто его и не было.

Я лежала в больничной палате городской клиники и пыталась собрать в голове обломки реальности. Разговор с врачом уже был, но я никак не могла прийти в себя и поверить, что обычное падение у подъезда на льду могло закончиться черепно-мозговой травмой и временной потерей памяти. Это какая-то сказка.

И я бы и не поверила, если бы вместо большого восьмимесячного живота у меня вдруг не нарисовался подтянутый пресс. На него точно потребовалось прилично времени, как и на то, чтобы отросло каре, которое я постригла в беременность.

Последнее, что я помнила отчетливо — это кухню нашего с Адамом дома, предновогодние сумерки за окном и ледяное чувство одиночества. Я кажется просила Адама купить елку и съездить куда-нибудь на выходные.

Да, точно...

Он отказал, сказав, что ему некогда. Помнила его усталую спину, повернувшуюся ко мне, и комок обидных слез в горле.

А потом — провал.

И резкое, болезненное пробуждение здесь: белые стены, запах антисептика, ноющая боль в затылке и... невероятная пустота там, где должен был быть твердый, круглый живот. Руки снова потянулись к животу, я зажмурилась. В памяти всплыла какая-то ерунда - поезд, снег за окном, Адам с взглядом полный ярости и страха. Он бежит за мной... а потом.... а потом... все. Сплошная белая пелена.

Врач сказал, что после травмы у меня могут быть странные сны, смешанные из воспоминаний и реальности. Но со временем все должно вернуться, небольшая гематома у меня в голове рассосётся.

Дверь палаты тихо открылась. На пороге стоял Адам с нашей дочкой на руках. С ним тоже уже говорили врачи и предупредили о моем состоянии.

Мой взгляд сразу остановился на Алиске и я потянулась у ней руками. Дочкино милое личико в обрамлении светлых волосиков затмило собой все вокруг.

— Моя доченька! — Боже, какая же она большая. Слезы подступили к глазам.

— Пока не встаём, — предупредила медсестра и оставила меня наедине с мужем и дочкой.

— Можно мне? Пожалуйста, — прошептала я сипло.

Адам придержал на руках Алиску, которая, увидев меня, тоже начала тянуть ко мне ручки. Он медленно подошёл и сел на стул рядом с кроватью. Мои пальцы тут же соприкоснулись с пальчиками моей девочки, и я их зацеловала. Из глаз брызнули слёзы счастья.

Алиска дёрнулась вперёд и перебралась ко мне на руки. Она обняла меня за шею и прижалась к груди. А я только и делала, что нюхала её волосики, целовала её ручки и везде, куда могла дотянуться. Рассматривала её, пытаясь одновременно как-то подхлестнуть свою память, чтобы всё наконец вспомнилось. Я хочу вернуть этот год, за который она так выросла. Я хочу помнить каждую минутку рядом с ней, каждую секунду.

Мой взгляд метнулся к Адаму, сидевшему рядом со мной уставшим извоянием. Его взгляд метался между мной и дочерью.

— Врач сказал, ты не помнишь целый год, — муж взял меня за руку.

— Представляешь? — нервно рассмеялась я. — Это так странно. Мне кажется, это всё какая-то сказка, выдумка. Такое ведь не происходит в реальной жизни. Правда?

— И... что последнее ты помнишь?

Он подвинулся ближе, его пальцы нежно коснулись моих волос, моего плеча в грубой больничной рубашке.

— Я хотела ёлку, — выдыхаю я. — Помню, очень её хотела. У нас её не было, — нервно усмехаюсь. — И ещё меня всё время мучила изжога, — вздыхаю. Вот о ней я точно скучать не буду. Последние три месяца беременности были просто адскими: что я ни съем, изжога была тут как тут. Даже спать с ней и то было невозможно.

— Ты же расскажешь мне всё? — растерянно прижимаю к себе Алиску. Разум не помнит, но тело — тело привычно ощущает её тяжесть в моих руках. В груди тепло булькает.

— Конечно, расскажу, — губы Адама трогает осторожная улыбка. — Я привёз тебе продукты и переодеться, только всё осталось в машине. Гололёд на улице, за Алиску боялся, сама понимаешь. Я принесу попозже. Или передам с персоналом.

— Хорошо, — выдыхаю я. — А я к родителям приехала? — вдруг спрашиваю. За окном моей палаты — явно не Москва.

— Да, мы приезжали погостить, — улыбка Адама становится более напряжённой. — Но мы уже собирались домой.

— Понятно, — продолжаю поглаживать Алиску по спинке. Дочка так же соскучилась, как я по ней. Поэтому ни на секунду от меня не отлипает: трогает меня своими пальчиками, тербит волосы своими детскими малюсенькими пальчиками.

— Я тоже по тебе очень сильно скучала, доченька. — Целую её в щёчки, в носик, лобик, волосики и снова к себе прижимаю. — Какая же ты большая у меня.

— А когда придут мама с папой? — снова спрашиваю у Адама.

— Пока не придут. Они отдыхать уехали по путёвке в Сочи. Там и встретят новый год. — Он переводит взгляд в окно.

— Ого, — мои брови взлетают вверх. На моей памяти Новый год родители всегда проводили исключительно дома.

Но теперь почему нет? Сестра с мужем и дочкой живёт в Москве. Мы с Адамом тоже. Так что да, почему бы и нет? Тем более в юности они никогда особо не ездили отдыхать, денег не было.

— Тебе нужно будет побыть ещё несколько дней в больнице, а потом я тебя заберу, и мы поедем домой. — Адам ловит мою руку и делает то, к чему я совершенно не готова: касается тыльной стороной моей ладони своей щеки и прикрывает глаза. Его губы скользят по моей коже, оставляя на ней лёгкие поцелуи. — Я очень за тебя переживал, Оленька, — голос мужа становится более глубоким и проникновенным. — Когда мне позвонили, чуть с ума не сошёл. Прилетел, как только смог. Милая моя, мы сейчас всё решим. Поедем домой, я всё организую.

— Хорошо, — удивлённо хлопаю ресницами.

Неужели за год наши отношения с Адамом так изменились?

В самом деле?

Он выглядит влюблённым?

Глава 2

Через час пришёл врач и объявил, что моё свидание с семьёй окончено. Алиска очень не хотела со мной расставаться — как и я с ней. Я очень долго её обнимала и обещала, что скоро мы обязательно будем вместе, что папа позаботится о ней, как и всегда, потому что он сильно её любит.

Адам не сводил с нас нежных взглядов, но был при этом всё также немногословен. Он как будто снова привыкал. А может быть, его так же сильно, как и меня, смущало то, что я не помню большую часть нашей совместной жизни.

— Как прошло? — усмехнулся мой доктор, когда за мужем с дочкой закрылась дверь.

— У меня дочь, — растерянно развела я руками. — Ей год. А я не помню ничего.

— Вспомнишь, — он пожал плечами. — Временная потеря памяти — не такое уж редкое явление, как может показаться.

— Правда? — недоверчиво морщусь.

— Да, — кивает он авторитетно. — Главное — отдыхай. Дочка твоя в надёжных руках, муж вон какой любящий. — Доктор снимает очки и протирает их носовым платком. — Всё отделение тут нам на уши поставил: врачей из Москвы собирался вызвать, вести тебя домой на самолёте...

— Ого, — прикусываю я губу и смотрю на свои подрагивающие ладони.

Как же так вышло, что мы с Адамом дошли до той точки, в которой он стал меня любить? Может быть, как-то со временем всё получилось?

В груди разливается приятное тепло. Если отбросить свои дурацкие сомнения, это ведь то, чего я так желала: его нежных взглядов, прикосновений, заботы. Чтобы он любил меня и нашего ребенка.

В палату заходит медсестра с двумя пакетами.

— А это вам папочка передал, — улыбается она и помогает мне разобраться с вещами.

Внутри есть всё - и сменная одежда, и домашние тапочки, нижнее бельё. Несколько книжек, мне совершенно неизвестных. В них есть закладки, и я их просматриваю. Оказывается - это женские романы.

— Адам, наверное, подтрунивает над тем, что я их читаю. — Улыбаюсь медсестре.

— Все мы их читаем, — отмахивается она. — Я вот тоже. Ну а что делать, жизнь-то не такая красивая, как в книжках?

«А у меня красивая» — проносится в моей голове. Адам. Алиса. Мы все вместе. Это же красота!

Из пакета с продуктами медсестра достаёт несколько шоколадок. Их я раздаю ей и другим медсёстрам, а сама думаю о прессе, который появился у меня на животе. Если уж я столько впихивала, то, наверное, стоило бы его сохранить. А то вспомню потом и буду сама на себя злиться, что наела себе живот.

Очень хочу позвонить родителям или сестре, но не обнаруживаю рядом с собой телефона. Пытаюсь узнать где он у медсестры, но она лишь пожимает плечами.

— У мужа спроси завтра.

— Ладно, — ложусь отдохнуть.

Так и проходят следующие несколько дней: я сдаю анализы, меня приходят проводить врачи, медсёстры. Адам появляется в разрешённые часы и остаётся, пока его не выгоняет медсестра. Алиска выглядит весёлой и здоровенькой, по мне, конечно же, скучает, но видно, что ей очень нравится с папой.

Я пытаюсь расспрашивать Адама о нашей жизни, но он отвечает как-то скупой:

—Всё у нас было хорошо. Вместе растили дочь. Живём там же, в Барвихе. Я пока в декрете, не работаю. Скоро Новый год, и мы собирались отпраздновать его в одной очень красивой усадьбе, которую забронировал Адам на новогоднюю ночь и все выходные до Рождества.

—Очень надеюсь, что меня отпустят до праздников, — искренне ему улыбаюсь.

К моей радости так и происходит. Из больницы я уезжаю с пухлой картой, которую следует передать московскому врачу.

—Я обо всём договорился, — успокаивает меня Адам, — и о клинике, и о лучшем специалисте, который тебя посмотрит. Как только приедем, сделать новые снимки и, если понадобится, тебе скорректируют лечение.

Я пожимаю плечами. Что тут корректировать? Моё лечение, на самом деле, очень простое - отдых, витамины, сон. По-хорошему, мне просто нужно себя беречь и не падать снова.

Лететь домой на самолёте нам не разрешают, поскольку гематома в голове — штука сложная, и давление в самолёте может на неё повлиять. Домой мы возвращаемся на поезде, в отдельном купе — очень уютном и чистом.

Адам всё время рядом, то и дело прикасается ко мне, спрашивает, как дела, обнимает. Его взгляд падает на мои губы. Мы ещё ни разу не поцеловались после того, как я пришла в себя.

Каким бы комфортабельным ни было купе, но, когда приезжаем в Москву, я чувствую себя разбитой. Ещё два часа уходят на то, чтобы добраться с вокзала до дома. Благо, Алиска засыпает в детском кресле и не капризничает.

Когда мы выходим из такси, я замираю и долго всматриваюсь в наш дом. Внутри какое-то неприятное ощущение шевелится. Наверное, потому что я не помню счастья в нём. Но ничего — память вернется.

Снаружи ничего не изменилось – выложенная белым мелким камнем дорожка, туи у крыльца, кованный козырек.

Когда Адам открывает входную дверь, я даже не вижу, а сначала ощущаю запах свежей хвои. Стоит сделать пару шагов внутрь — я вижу огромную ёлку. Она пушистая и высокая, занимает собой чуть ли не половину гостиной.

—Ого, — снимаю обувь и медленно обхожу зелёную красавицу по кругу.

—Вместе нарядим, хочешь? — хрипит Адам. На руках у него спит Алиска и у меня щемит сердце от этой картины.

—Конечно, — улыбаюсь ему.

—Я отнесу Алиску в детскую, пусть поспит. А ты пока осмотришься.

—Хорошо, — киваю я нерешительно.

Адам уходит, а я растерянно осматриваюсь вокруг. Всё вроде бы то же самое, но в то же время немного иначе. Подхожу к камину, который пока не разожжён. На нём стоят наши семейные фотографии. Вот Алиса. Вот Адам с ней на руках. Вот я. Но нет ни одной фотографии, где мы были бы втроём и это немного странно.

Из гостиной прохожу в кухню, где ничего не изменилось. На подоконнике в углу все так же сиротливо стоит статуэтка кошки. Это я пыталась навести уют...

Заглядываю в холодильник — он оказывается полностью забитым свежими продуктами. А затем иду в нашу спальню. Всё так же, как и было. Только возле кровати добавились фото Алисы и меня с ней на руках, новые расшитые подушки. В ванной — привычный мне уход. В гардеробе висят мои вещи.

— Так и должно быть, — шепчу себе под нос. Но внутри колет от непонятной тревоги. Стоит прикрыть глаза — мелькают смутные образы: чемодан на кровати, скомканные в кучу вещи, противный звук пластиковых колёсиков и ещё слякоть...

—Ну как ты? — в спальне появляется Адам.

Его взгляд настороженно скользит по мне.

—Осваиваюсь, — признаюсь ему честно. — Я так хочу вспомнить. Веришь? — Меня окатывает чувством вины. — Просто не получается.

—Не торопись. Всё получится, Оль, — Адам подходит вплотную и обнимает меня. Из его груди доносится удовлетворённый выдох. — Как я рад, что ты дома, малыш.

—Я тоже. — Поднимаю глаза и встречаюсь с его усталым взглядом. —У нас такая красивая ёлка. Может, никуда и не поедem, останемcя дома?

—Как захочешь, — его пальцы нежно касаются моей шеи, вызывая мурашки. Прикрываю глаза, наслаждаясь тем, что происходит между нами. Адам рвано выдыхает, поднимает мое лицо за подбородок выше и целует — страстно, нежно, долго, как никогда раньше. Сердце заходится в бешеном ритме, а мои пальцы напряжённо сминают его рубашку.

Неужели это правда? Мы счастливы??? Как в это поверить?

Глава 3

Адам

Оля уснула почти сразу, как только её голова коснулась подушки. Тихо, доверчиво, уткнувшись лицом в мою грудь.

Мы разобрали вещи, поужинали, поиграли вместе с Алиской в гостиной. Украшение елки решили отложить на завтра, потому что сегодня очень устали.

После нашего поцелуя в спальне, следующим испытанием стала общая ванная. Оля была в тончайшей шелковой комбинации, которая хорошо очерчивала изгибы ее соблазнительно тела. Я жену хотел, но позволить себе не мог - не готов был я так далеко зайти.

Оля бы за такое точно возненавидела меня после.

Я лежал и в темноте нашей спальни и не мог отвести взгляд от приоткрытых губ жены. Тот поцелуй... Он был одновременно и наградой, и самым страшным преступлением в моей жизни.

Я же украл Олю.

Вместе с дочкой. Вот так взял и увёз из нашего городка к себе в Москву. Права на такое я не имел - эта мысль, колючая и холодная, пронзила всё тело, заставила в груди болезненно сжаться сердце. Но вслед за ней пришла другая, упрямая - я Олю не отпущу.

Не могу!

Нам нужен ещё один шанс!!!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.